

— Ух!..

Голова раскалывалась от нестерпимой боли.

Ши Байю едва пришел в сознание, как эта мучительная, рвущая на части боль чуть не отправила его обратно в небытие.

«Странно... Разве может голова болеть так сильно лишь от того, что её случайно ударило дверью?»

Когда приступ наконец отступил, он открыл глаза и обнаружил себя насквозь мокрым, скорчившимся в стоге сена. Холод пробирал до костей, заставляя всё тело дрожать мелкой дрожью.

Над головой виднелась соломенная крыша, со всех сторон стояли стены из потрескавшейся глины, сквозь которые проглядывал бамбуковый каркас. На стенах висели корзины для отбивки зерна и прочие земледельческие орудия, у стены лежало несколько мотыг. Окна и деревянная дверь, выглядящие ветхими и покосившимися, были накрепко заколочены досками.

Пока Ши Байю растерянно озирался, его голова, едва успевшая немного успокоиться, снова вспыхнула болью. Следом потоком хлынули чужие воспоминания, проносясь перед глазами, словно кадры быстрой киносъемки. Только тогда он осознал, что удар дверью не просто травмировал его - он перенес его в другой мир.

Он попал в тело юноши, которого продали местному бандиту, и который, не видя иного выхода, бросился в реку и утонул.

У этого юноши было то же имя и фамилия, но судьба его была горькой. Оставшись сиротой в раннем детстве после смерти родителей, он влачил жалкое существование в доме дяди. С малых лет он работал без отдыха и без счета получал побои; ел объедки, носил обноски, которые никто не хотел надевать. Чтобы заставить его работать как тягловое скота, дядя отвергал все предложения о браке, нарочно затягивая время, пока юноша не превратился в «старого холостяка».

Лишь недавно, когда старший дядя Ши сломал ногу, вернувшись из города, и семье срочно понадобились деньги, они смягчились в вопросе его женитьбы. Однако «смягчились» означало, что они продали его за двадцать таэлей соседу из соседней деревни — старому охотнику, чтобы тот взял его в мужья.

Если бы этот охотник был просто стар, это еще полбеды. Но он был ужасающе некрасив и выглядел как воплощение злобы: настоящий громила, прославившийся на десять округов. Говорили, что его кулак размером с два обычных человеческих. Ни один молодой парень или девушка, ни даже вдовы или овдовевшие мужья не хотели связывать с ним свою жизнь.

Но поскольку у старого охотника водились небольшие сбережения, весть о том, что он готов заплатить двадцать таэлей за невесту, мгновенно попала в поле зрения дяди и его жены.

Юноша, разумеется, не желал такой участи, но где тонкому прутику согнуть толстую ветвь? В итоге, после неудачной попытки побега и поимки, он в отчаянии бросился в реку, решив покончить с собой.

Прожив в уме всю жизнь этого несчастного юноши, Ши Байю невольно втянул воздух сквозь зубы, но это лишь раздражило дыхательные пути, вызвав приступ душераздирающего кашля.

Он кашлял так сильно, что слезы выступили на глазах и затуманили взгляд. В этот момент снаружи раздался скрип, и деревянная дверь сарая распахнулась. Кто-то вошел внутрь.

Услышав звук, Ши Байю вздрогнул и резко повернул голову. В помещение вошли женщина с резкими, неприятными чертами лица и молодой мужчина со шрамом на лице.

Женщиной оказалась тетя этого тела, Тянь Цуйэ. Молодой человек был ему незнаком; он не выглядел добряком, но и стариком его никак нельзя было назвать. Да и кулак у него вовсе не был размером с два обычных.

Ши Байю пока не мог понять, кто этот незнакомец, но раз его привела Тянь Цуйэ, значит, добра от него ждать не стоит. Он решил выждать и посмотреть, что будет дальше.

— Господин Сун, взгляните, вот он, — произнесла Тянь Цуйэ. Она смотрела на Ши Байю безо всякого человеческого участия, словно тот был товаром, который нужно поскорее сбыть. Но стоило ей обернуться к молодому человеку, как её лицо расплылось в подобострастной улыбке, и она начала униженно кланяться.

Однако на лице молодого человека не дрогнул ни один мускул. Он молча посмотрел на Ши Байю некоторое время, а затем развернулся и вышел наружу.

— Чего застыл? Быстро вставай, переоденься и иди за господином Суном! — увидев такую холодную реакцию, Тянь Цуйэ занервничала. Она боялась, что эти заветные двадцать таэлей уплывут у неё из рук. Впрочем, серебро было не главным; куда больше она опасалась, что попытка побега и самоубийства Ши Байю навлечет гнев покупателя.

Заметив, что Ши Байю не двигается, Тянь Цуйэ подошла ближе, намереваясь схватить его за руку, но он резко отдернул её.

— Ах ты, негодный гэр! — Тянь Цуйэ пришла в ярость от такой дерзости; она никогда не ожидала, что этот тихоня посмеет дать отпор. Выхватив из стога сена гибкую ветку, она со всего маху ударила им по спине: — Взбунтовался, смел сопротивляться? Сегодня я обязательно проучу тебя, чтобы ты, не дай бог, не натворил бед в новой семье!

Ши Байю, едва очнувшись, чувствовал слабость во всем теле, а головная боль пульсировала новыми волнами. Тот единственный удар рукой, которым он отмахнулся, отнял у него последние силы. Он не успел увернуться и получил удар сполна. Ветка больно впиалась в спину, заставив его глухо вскрикнуть и едва не упасть лицом в солону.

— Ты выйдешь замуж, хочешь ты того или нет! — Тянь Цуйэ наносила удар за ударом, тяжело дыша от усилия, но её язык не умолкал ни на секунду: — Твой дядя сейчас лежит в постели и ждет этих денег на лечение! Мы вырастили тебя, вложили в тебя столько труда! Если у тебя есть хоть капля совести, собирай свои пожитки и спокойно иди за этим человеком. И никаких больше фокусов!

«Проклятье! Эта ядовитая женщина!»

Ши Байю и так был ослаблен, а после этой порки его сознание начало меркнуть.

Тянь Цуйэ, помня, что господин Сун ждет снаружи, после нескольких ударов все же остановилась. Но её едкий голос продолжал звучать, обрабатывая жертву:

— Такова твоя судьба. Не думай, что если ты избежишь этого брака, то найдешь кого-то лучше. Ради того, чтобы подыскать тебе хорошую партию, я, твоя тетя, сколько сил положила? Сам глава рода Чэнь из города предлагал тридцать таэлей, чтобы взять тебя второй женой, но я не согласилась! Я побоялась, что у этого старика дурная репутация и ты будешь страдать. А ты, оказывается, столь неблагодарен и не понимаешь, где добро, а где зло!

Ши Байю готов был рассмеяться от такого переворачивания фактов с ног на голову. Получается, по логике Тянь Цуйэ, когда тебя продают, нельзя сопротивляться, а нужно еще и рыдать от благодарности?

Однако сил у него совсем не осталось. Он открыл рот, пытаясь произнести хоть слово, но глаза его закатились, и он потерял сознание.

Когда он очнулся вновь, вокруг царила кромешная темнота.

Хотя было ничего не видно, по ощущениям Ши Байю понял, что лежит на кровати.

Едва он попытался приподняться, как вспыхнул крошечный огонек свечи. Молодой человек со шрамом, одетый в грубую короткую одежду, вошел в комнату, держа в руках масляную лампу. Лицо его было бесстрастным.

— Проснулся? — Сун Цзи встретился взглядом с Ши Байю и на мгновение замер. — Вставай поесть. Сможешь подняться?

Под пристальным взглядом этих глаз Ши Байю инстинктивно кивнул. Но стоило ему

приподняться наполовину, как силы снова оставили его, и он рухнул обратно. Лишь поддержка мужчины помогла ему сесть.

— Сиди спокойно, — сказал Сун Цзи, подложил подушку под спину Ши Байю, чтобы тому было удобнее опираться, затем поставил лампу на комод и вышел из комнаты.

Только теперь Ши Байю смог как следует осмотреться.

Обстановка в комнате была крайне простой: всего лишь комод да старая деревянная кровать с балдахином, покрытым заплатками. Однако в помещении было чисто, глиняные стены не имели трещин, а черепица на крыше казалась довольно новой. Это жильё было несравнимо лучше той жалкой лачуги, где он пришел в себя ранее.

Раздались шаги. Ши Байю отвел взгляд от осмотра и увидел, что молодой человек входит обратно с миской в руках.

— Ешь прямо здесь, на кровати, — Сун Цзи протянул Ши Байю миску и палочки. — Если ты будешь честно жить со мной дальше и не станешь думать о побеге, этот дом станет твоим домом.

Рука Ши Байю, протянутая за миской, замерла.

Сун Цзи заметил это колебание, и его взгляд потемнел:

— Посмеешь сбежать, я сломаю тебе ноги.

Не успели эти слова сорваться с его губ, как он взял веревку и крепко связал ноги Ши Байю.

Ши Байю: «...» Связать ноги, но оставить руки свободными? Кого это может удержать? Неужели он на столько дурак?

— Меня зовут Сун Цзи, — представился мужчина. Он уже направился к выходу, но у порога остановился, повернул голову и бросил последнее предупреждение: — Посмеешь развязать - отсеку обе руки.

Ши Байю: «...» Какой безумец. Мне это нравится!